

Томас Гарди

ОТЧАЯННЫЕ
СРЕДСТВА
♦
ВОЗВРАЩЕНИЕ
НА РОДИНУ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 20

Thomas Hardy
DESPERATE REMEDIES; THE RETURN OF THE NATIVE

Перевод с английского Натальи Тренивой, Ольги Холмской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Гарди Т.

Г 20 Отчаянные средства ; Возвращение на родину : романы / Томас Гарди ; пер. с англ. Н. Тренивой, О. Холмской. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 768 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25012-3

Томаса Гарди называют последним писателем Викторианской эпохи. Своей славой он обязан прежде всего циклу произведений, созданных в 1872–1895 годах, — так называемым романам характера и среды. «Возвращение на родину» (1878) относится к их числу, а «Отчаянные средства» написаны чуть раньше (1871). В этих сочинениях в полной мере проявляется острая наблюдательность Гарди, его дар подмечать тончайшие нюансы человеческих отношений, дана живая картина нравов, царивших в английской глубинке конца XIX века.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Н. К. Тренива (наследник), перевод, 2024
© О. П. Холмская (наследник), перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-25012-3

ОТЧАЯННЫЕ СРЕДСТВА

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга, первый опубликованный автором роман, написана девятнадцать лет назад, в те времена, когда автор блуждал в поисках стиля. Бесспорно, правила, по которым построен сюжет, — тайна, хитросплетение обстоятельств, неожиданные открытия и прегрешения против нравственности — рассчитаны исключительно на то, чтобы заинтриговать читателя; однако некоторые сцены и по крайней мере один-два характера, по-видимому, не заслуживают полного забвения, а так как вряд ли возможно переиздать только отрывки, то роман печатается полностью — тем более что он уже довольно долгое время переиздается и имеет широкое хождение в Америке.

Январь, 1889

К предыдущей заметке следует добавить только, что в настоящем издании «Отчаянных средств» некоторым городкам и местностям Уэссекса впервые даны те названия, под которыми они появляются в более поздних повестях и романах, что, вероятно, доставит удовольствие тем читателям, кто любит единообразие в подобных вещах.

Это — единственное существенное исправление; ибо если некоторые характеристики в моем последнем романе, вызвавшие немало споров, присутствуют и в этой, первой моей книге, то, коль скоро она была издана в 1871 году, когда для них еще не существовало французского наименования, мы сочли за лучшее оставить их без изменений.

Февраль, 1896

Перелистывая страницы этого повествования, написанного в совершенно традиционной манере, с расчетом взволновать воображение читателя, должно быть, нетрудно заметить, что кое-где

ТОМАС ГАРДИ

в нем выражены те же чувства и раздумья, что и в «Уэссекских стихах» и других стихотворных произведениях автора, которые были изданы много лет спустя. Такие совпадения объясняются тем, что стихи были написаны прежде романа, но поскольку автор не имел возможности опубликовать их, он, переведя стихи в прозу, использовал в романе то, что казалось ему подходящим к случаю, в то время еще не предвидя, что его стихотворения увидят свет.

Т. Г.
Август, 1912

I

СОБЫТИЯ ТРИДЦАТИ ЛЕТ

1. Декабрь и январь 1835–1836 годов

Длинная, сложно переплетенная цепь обстоятельств, которые внесли много примечательного в жизнь Цитерии Грэй, Эдварда Спрингрова и других, началась с одного рождественского визита, повлиявшего на ход дальнейших событий.

В вышеупомянутом 1835 году молодой архитектор Эмброз Грэй, только что начавший применять свои знания на практике в Хокбридже, городке центральной части Англии, севернее Крайстбриджа, поехал в Лондон погостить на Рождестве у своего друга, жившего в Блумсбери. Молодые люди в один и тот же год поступили в Кембриджский университет и вместе его окончили, после чего Хантуэй, друг Эмброза Грэя, принял духовный сан.

Грэй был красив, простосердечен и добр. Он обладал таким складом ума, который позволял ему в обыденном находить смешное, в природе — живописность, в отвлеченных понятиях — поэзию. Эти три свойства, как правило весьма распространенные по отдельности, сочетались в нем все вместе.

Он слишком часто забывал о том, что мир полон зла. Открытие дурных сторон в каком-нибудь новом друге для большинства людей означает лишь расширение жизненного опыта; для него это всегда бывало потрясением.

В Лондоне он познакомился с отставным морским офицером по имени Брэдли, проживавшим с женой и дочерью на Дьюкери-стрит, неподалеку от Рассел-сквер. Жили они в скромном достатке, и не более, однако супруга капитана принадлежала к древнему роду, чье генеалогическое древо было оснащено некоторыми из самых славных и знаменитых имен в королевстве.

Юная леди, их дочь, казалась Грэю самым прекрасным, самым царственно-величавым существом на свете. Ей было лет девятнадцать или двадцать, звали ее Цитерией. По правде говоря, она

мало чем отличалась от пригожих деревенских девиц подобного типа; разница была лишь в том, что мисс Брэдли обладала прекрасными манерами и умением держаться, чего были лишены деревенские красавицы. Мы часто принимаем какую-нибудь бросившуюся в глаза характерную особенность за основное качество натуры, и Грэй представлялось, что мисс Брэдли — само совершенство и неизмеримо выше своих сельских соперниц в смысле духовном. Грэй совершил нечто такое, что дало бы ему блаженство, если бы не было омрачено рискованностью, — он влюбился в Цитерий с первого взгляда.

Рекомендательные письма позволили ему встретиться с Цитерией и ее родителями два или три раза в течение первой же недели по его приезде в Лондон, а случай и изобретательность влюбленного дали возможность и в следующую неделю видеть ее так же часто. Юный Грэй понравился родителям, а так как друзей у них было немного (люди, равные им по крови, занимали слишком высокое положение в обществе), то ему всегда оказывали самый радушный прием. Любовь его к Цитерии становилась не только сильнее, но и восторженнее; она же, не поощряя его открыто, молчаливо соглашалась на все его уловки, придуманные, чтобы побыть подле нее. Отец и мать, по-видимому совсем разуверившись в преимуществах благородного происхождения, не подкрепленного достаточным количеством денег, догадывались, к чему ведут нежные взгляды, которыми обменивалась молодая пара, но относились к этому если не благожелательно, то спокойно.

Страстным мечтам Грэя положил конец печальный и необъяснимый случай. Три недели сладостных волнений оказались для него последним этапом — своего рода моральной Газой¹ — перед тем, как ввергнуться в эмоциональную пустыню. Миновала вторая неделя января, и молодому архитектору пора было уезжать из Лондона.

В течение всего знакомства с дамой его сердца он замечал в ней одну странную особенность: она, как и подобает влюбленной, расцветала в его присутствии, однако с самого начала и до конца отказывалась признать истинную природу связывавшего их чувства, как бы не желая понимать, что все это значит и чем должно завершиться; она, по-видимому, даже боялась, что Грэй заговорит об

¹ *Газа* — имеется в виду древний город в южной части Палестины, столицы совр. сектора Газа.

этом вслух. Казалось, она была вполне довольна настоящим и не лелеяла никаких надежд — а ведь обычно, если даже любовь сама по себе свершение, ее должно считать началом новых радостей.

Ее уклончивость немало смущала его, но в то же время подзадоривала: он решил больше не откладывать объяснение. Он увел ее в маленькую оранжерею на лестничной площадке и там, среди вечнозеленых растений, при свете крошечных лампочек, еще сильнее подчеркивающим свежесть и красоту листьев, он сделал исполненное такой же свежести и красоты признание в любви:

— Любовь моя... дорогая, будьте моей женой!

Цитерия вдруг словно очнулась.

— Ах!.. Мы сейчас же должны расстаться! — с тоскою в голосе, запинаясь, произнесла она. — Я вам напишу!

Она высвободила свою руку и убежала.

Грэй в горячем испуге бросился к себе домой и еле дождался утра. Как описать его горе и растерянность, когда ему была вручена записка, содержавшая такие слова:

«Прощайте, прощайте навсегда. Мы не можем любить друг друга открыто, есть нечто такое, что разлучает нас навеки. Простите меня, мне следовало сказать вам об этом раньше, но ваша любовь была для меня так сладостна! Забудьте обо мне навсегда».

В тот же день, наверное для того, чтобы покончить с этой тягостной историей, дочь и родители уехали из Лондона к каким-то родственникам, живущим в одном из западных графств, которых они давно уже обещали навестить. Никакие послания, никакие мольбы не могли заставить ее что-либо объяснить. Она просила его не искать встречи с нею, и что самое странное — ее отец и мать, судя по тону полученного от них письма, были не менее опечалены и раздосадованы этим неожиданным отказом, чем он. Одно было ясно: они знали причину отказа, но, не считая ее веской, не хотели ее открывать.

Ровно через неделю после их отъезда Эмброс Грэй покинул дом своего друга Хантуэя и никогда больше не видел свою оплакиваемую любовь. Время от времени Хантуэй отвечал на его письма с просьбами сообщить о ней. Но сведения о возлюбленной, процеженные сквозь восприятие друга, — слишком скудная пища для влюбленного. Хантуэй не мог сказать ничего определенного. По его словам, года за два-три до знакомства с Грэем у Цитерии

был флирт с ее двоюродным братом, строевым офицером, но все внезапно кончилось, так как двоюродный брат отбыл в Индию, а родители увезли юную девицу на все лето в путешествие по Европе для укрепления ее хрупкого здоровья. Наконец Хантуэй сообщил ему новость, которая окончательно доказала Грэю всю безнадежность его любви. После того как одна за другой быстро угасли чьи-то жизни, мать Цитерии неожиданно оказалась наследницей большого состояния и поместий в западной части Англии. По этой причине они бросили свой домишко в Блумсбери и, очевидно, порвали с прежними друзьями, жившими в том квартале.

Юный Грэй заключил, что Цитерия забыла о нем и его любви. Но ее он забыть не смог.

2. С 1843 по 1861 год

Через восемь лет, одинокий, истосковавшийся, Эмброс Грэй — человек без родных, без друзей, хотя и с обширным кругом знакомств, — встретил девушку совсем иного склада, наделенную приличным состоянием и многими добродетелями. Что до любви, то, утратив Цитерию, он уже не мог полюбить по-настоящему ни одну женщину. Как правило, все прекрасное на земле кажется еще пленительнее, если оно ускользает из рук; но есть такие натуры, для которых абсолютная недоступность делает преходящую любовь вечной.

Эта вторая юная особа стала женою Грэя. Всем было известно, что он не любит ее так, как следовало бы; но мало кто знал, что его неуступчивое сердце продолжало тщетно скорбеть о потере своего первого кумира.

Характер его заметно ухудшился, — это часто бывает с чувствительными людьми, которых вечно гложет неудовлетворенность оттого, что их судьба складывается не так, как им мечталось. И хотя от природы он был приятного и мягкого нрава, знакомые постепенно перестали относиться к нему с тем ласковым участием, которое обычно вызывают к себе люди такого склада. Обязательная и жизнерадостная отзывчивость, присущая ему прежде, постепенно уступила место угрюмой нервности, и за исключением тех минут, когда беспочвенная надежда рисовала ему радужные перспективы, его постоянно угнетало мрачное уныние. Практически это его состояние проявилось в расточительности, пона-

чалу почти бессознательной, ибо каждый сделанный им долг был уже с благоговейной аккуратностью оплачен им в уме из сокровищ, что сулили ему надежды, о которых говорилось выше. Но годы текли, а он вел себя все так же: у него не хватало воли выйти из прежней колеи, даже когда он понял, что она ведет к беде.

В 1861 году его жена скончалась, оставив его вдовцом с двумя детьми. Сын по имени Оуэн, которому только что исполнилось семнадцать лет, был взят из школы и приобщен к архитектурскому делу в качестве ученика в конторе отца. Дочь была на год моложе Оуэна.

При рождении ей было дано имя Цитерия — нетрудно догадаться почему.

3. Двенадцатое октября 1863 года

Мы пропускаем два года, чтобы сразу перейти к следующему важнейшему событию в жизни этой семьи. Действие происходит все в том же Хокбридже, родном городе Грэя, — таком, каким он выглядел в один октябрьский понедельник во второй половине дня.

Погода была солнечная и сухая, но старинное местечко являло сейчас постороннему глазу свой самый, пожалуй, непривлекательный вид. Виною тому прежде всего было время дня. Стоял тот самый мертвенно-неподвижный час из всех двадцати четырех, когда резкие краски дня, сбросив с себя длинные прохладные тени и бодрящую свежесть утра, еще не перешли хоть сколько-нибудь заметно в сочные, смягченные тона, которые так украшают его угасание. Затем — то был такой день на неделе, когда почти совсем замерла торговая суета, которая под остроконечными крышами старинного городка обычно не лишена романтического обаяния. И наконец, сегодня городок нарочно старался выставить себя в лучшем свете, желая блеснуть перед нахлынувшими посетителями местными талантами в области декламаторского искусства, а провинциальные городки, напускающие на себя оживленность, — зрелище наискучнейшее.

В этом смысле маленькие городки подобны маленьким детям — они интереснее всего тогда, когда ведут себя естественно и не замечают посторонних глаз. Стоит им почувствовать, что на них смотрят, как они стараются быть позабавнее, начинают гримасничать, неприятно кривляться, а это их только портит.

Половину третьего показывали стрелки на потемневшем от времени циферблате невысокой колокольни, стоявшей на перекрестке трех главных улиц, как раз напротив ратуши, где вот-вот должно было начаться пресловутое чтение отрывков из Шекспира. Двери ратуши стояли настежь, и те, кто пришел раньше, разглядывали входящих, определяя про себя, хорошо ли они одеты, свои ли у них зубы или волосы и велики ли средства, на которые они живут.

Среди новоприбывших выделялась молодая девушка, сиявшая на общем тусклом фоне, как ярко-алый мак среди бурого жнивья. На ней был изящный темный жакет, платье цвета лаванды, шляпа с серой отделкой и такими же лентами и перчатки в тон. Легким шагом она прошла по боковому проходу зала, быстро огляделась вокруг и села на указанное ей место.

Девушку звали Цитерия Грэй; сейчас ей было без малого семнадцать лет. С той минуты, как она вошла и пока она сидела в зале, слушая декламатора на подмостках, многие не отрывали от нее глаз, находя ее внешность интереснейшим предметом изучения.

Ее лицо было прелестно, хотя в художественном смысле и менее безупречно, чем ее фигура, которая была необычайно близка к общепринятому понятию о совершенстве. Но даже эти ее качества уступали пальму первенства восхитительной грации ее движений.

И в самом деле, главной ее прелестью были движения, начиная с походки и кончая манерой поднимать веки, сгибать пальцы или надувать губки. Повороты ее головы — движение внутри движения, плавность на плавности — были изящны, как колебания магнитной стрелки. Никто ее не учил скольльзящей гибкости движений, ни у кого она ее не подсмотрела и не переняла, — это свойство было у нее врожденным и, *nullo cultu*¹, развивалось в ней с годами. В детстве, когда ей случалось споткнуться о камень или корневище дерева, она всегда умела устоять на ногах, изгибаясь во все стороны, чтобы удержать равновесие, хотя на ее месте любая из подружек непременно растянулась бы на земле. На рождественских балах для детей и взрослых, когда ей было всего лет двенадцать-тринадцать и по этой причине ее всей душой презирали юнцы, мнившие себя мужчинами, ее послушная легкость

¹ Без посторонней помощи (*лат.*).

в танцах совершенно искупала незрелость, и те же юнцы, забыв о своем достоинстве, наперебой кружили эту детскую фигурку, поняв, что такими партнершами пренебрегать не приходится. А позже, когда женский инстинкт подсказал ей, что это и есть лучшая и редчайшая из ее внешних особенностей, Цитерия не замедлила усовершенствовать ее во всех тонкостях.

Волосы ее, спадавшие на плечи локонами, на ярком свету золотились, как спелая пшеница, и переходили в настоящий каштановый цвет там, где на завитки падала тень. Глаза у нее были сапфирового оттенка, хотя гораздо темнее, чем обычно бывает этот камень; взгляд их, прямой и доверчивый, сиял тем нежным и влажным светом, который так отличается от жестковатого блеска иных глаз, выражающих доверчивую преданность только тому, на кого они в данную минуту устремлены.

Но описать Цитерию, как, впрочем, и любую другую очаровательную женщину, с помощью определенных категорий — так же трудно, как оценить прелесть пейзажа, исследуя его ночью с фонарем, или звучного музыкального аккорда, высвистывая каждую его ноту по очереди. И все-таки, быть может, после этой попытки легко будет поверить, что она, пленительная во всех своих состояниях, бывала особенно хороша, когда ей случалось:

испытывать веселую нерешительность, и глаза ее украдкой вспыхивали и улыбались не менее явственно, чем губы, и в них на протяжении одной секунды ясно отражались все оттенки чувств, заполняющие обширную дистанцию между «да» и «нет»;

или поверять какой-нибудь секрет, и она при этом, вдруг легонько вздрогнув, восторженно стискивала руку, плечо или шею слушателя, в зависимости от его позы и степени близости с ним;

и когда она с беспокойством смотрела на того, кого нежно любила.

Именно так вдруг преобразилось ее лицо, когда она во время чтения на подмостках взглянула в окно.

Почему же подробности, связанные с присутствием этой юной особы на весьма посредственном представлении, не канули в забвение, как они того заслуживают по своей незначительности, почему они четко врезались в память на многие годы и ей и другим? Да просто потому, что она, сама о том не зная, стояла на самом краешке той уходящей полосы ее бытия, в которой ей было неведомо истинное значение слова «забота». То был последний час,

когда она радовалась жизни, не подозревая, что есть такой лабиринт, куда ей вот-вот предстоит войти, и что по извилистым его ходам она будет растерянно блуждать в течение почти двадцати девяти месяцев.

Одно из окон зала городской ратуши, здания из бурого песчаника, открывало вид на крыши и дымоходы ближних домов, а также на верхнюю часть шпиля соседней церкви, который достраивался под наблюдением отца мисс Грэй — архитектора, ведавшего постройкой.

Для скучающего взора Цитерии было приятным открытием, что с ее места в зале видна верхушка шпиля; она стала наблюдать за сценой, которая разыгрывалась в воздушной вышине. На синеве неба четко рисовалась коническая башенка в клетке строительных лесов, где шевелились пять человек: четверо — в белых, как возводимая ими каменная кладка, фартуках и пятый — в обыкновенном темном костюме джентльмена.

Четверо в белом были три каменщика и их подручный; пятый — архитектор, мистер Грэй. Он, как видно, только что дал какие-то указания и, отступив назад, насколько позволял узкий помост, стоял не двигаясь.

Глазам, смотревшим туда из зала ратуши, представилась своеобразная и даже изысканная картина — как бы цветная миниатюра, вставленная в темную раму стрельчатого окна; его глубокий, затененный проем по контрасту усиливал неяркие краски всего того, что оно собой обрамляло.

Шпиль поднимался на сто двадцать футов над землей, и казалось, что и пятеро работающих на нем людей бесконечно далеки от обыкновенных человеческих существ и круга их житейских дел. Маленькие фигурки, с виду чуть крупнее голубей, неслышно, как призраки, делали там какие-то крохотные движения. Сосредоточенность — вот первое, что приходило в голову любому, кто наблюдал за ними снизу; они были совершенно безучастны к светлой земле внизу, ко всему, что на ней копошилось, и ничего этого даже не замечали. Дальше подмостей они и не глядели.

Затем один из них сделал шаг в сторону и снова остановился, наблюдая за работой остальных; это был мистер Грэй. Повернув голову к новому камню, который втаскивали рабочие, он, казалось, весь ушел в свои мысли.

«Что это он так задумался?» — встревожилась наконец молодая девушка, до той минуты легкомысленная и беззаботная, как

древние тарентинцы¹, что в такой же точно день смотрели из театра, как входит в гавань сила, которая уничтожила их государство.

Девушка беспокойно пошевелилась. «Хоть бы он сошел вниз, — прошептала она, не отрывая взгляда от этой четко видной на фоне неба картины. — Там же нельзя быть рассеянным, это очень опасно!»

Едва она успела прошептать эти слова, как ее отец нерешительно взялся за столб-подпорку, словно проверяя его прочность, потом убрал руку, шагнул назад — и оступился. Какое-то мгновение он пытался удержаться на одной ноге, клонясь вперед и вбок, потом очутился в воздухе и сразу канул вниз.

Его дочь судорожно рванулась с места. Полуоткрытым ртом она ловила воздух и не могла произнести ни звука. Люди, сидевшие вокруг, еще не зная о случившемся, один за другим оборачивались к ней, и при виде бедной девушки на их лицах проступала тревога и недоумение. Еще секунда — и Цитерия упала на пол.

Следующее, что запечатлелось в сознании Цитерии, когда она пришла в себя, — это как ее брат и незнакомый человек постарше, сняв ее с какой-то повозки, несли через тротуар к ступенькам их дома. Воспоминание о том, что произошло, возникло секундой позже, и, когда они входили в дверь — через которую несколькими минутами ранее пронесли другую, скорбную ношу, — глаза ее увидели юго-западное небо и бессознательно отметили белые лучи солнца, словно копья, пробивающиеся сквозь прорезь в свинцовой туче. Душевные волнения часто связываются в нашей памяти с каким-нибудь зрительным впечатлением, как бы случайно оно ни было, — так в химических растворах возле прутьев или проволоки образуются кристаллы. С этих пор, когда Цитерии случалось испытывать душевную боль, то, что она видела из окна ратуши, вставало в ее воображении гораздо менее ярко, чем эти солнечные лучи, похожие на копья.

4. Девятнадцатое октября

Когда в дом входит смерть, ей сопутствуют чувство скорби и чувство ужаса. Скорбь — от самой смерти; ужас — от тех туч мрака, которые намеренно стараемся нагнать мы сами.

¹ *Тарентинцы* — жители основанного греками города Тарент (совр. Таранто в Италии), славившиеся изнеженностью и беспечностью.

Похороны остались позади. Удрученный, но твердо решивший держать себя в руках, Оуэн Грэй, сидя у отцовского секретера, вынимал и рассматривал груды самых разнообразных бумаг, хаотических и не радующих глаз при всех обстоятельствах, а в сильном горе — тем более. Листки белой бумаги, перевязанные шнурком, были беспорядочно перемешаны с другими бумагами, обведенными траурной каемкой, и с синими листами, свернутыми в трубку и перевязанными толстой красной тесьмой.

Ворох писем, счетов и других документов был подвергнут тщательному осмотру, после которого выяснились следующие обстоятельства.

Первое — что заработки отца как архитектора были очень невелики и покрывали не более чем половину его расходов и что его собственное состояние, как и состояние его жены, было безрассудно, и теперь уже безвозвратно, роздано займам недобросовестным людям, которые пользовались простодушной доверчивостью архитектора.

Второе — что, очевидно, поняв свои промахи, он пытался поправить дело, вступив на обманчивую стезю спекуляций. Вот один из наиболее примечательных примеров. Осенью прошлого года, когда он был в Плимуте, его уговорили поместить все свои деньги в ссуду под залог какого-то итальянского брига, который потерпел бедствие и стоял в гавани. Это сулило большую прибыль, но и риск был ничуть не меньше. Оказалось, что никакого залога не было и в помине. Все обстоятельства говорили о том, что эта спекуляция весьма сомнительна, и такому человеку, как Грэй, совсем неискuschenному в подобных делах, уж никак не следовало в нее ввязываться. Судно потонуло, а вместе с ним погибли и все деньги мистера Грэя.

Третье — после всех этих неудач он оказался по уши в долгах, с которыми не знал, как расплатиться; таким образом, после его смерти даже те несколько фунтов, что лежали на его счету в банке, только номинально считались его собственными.

Четвертое — смерть жены, скончавшейся два года назад, заставила его остро осознать свое безрассудство и свой долг по отношению к детям. Тогда он решил не пускаться ни в какие спекуляции, а только работать с неослабным усердием, чтобы восстановить хоть часть того небольшого состояния, которое он развеял по ветру.

Пока Оуэн разбирал бумаги, Цитерия часто подсаживалась рядом. И не раз она с грустью говорила:

— Бедный папа просто не успел выполнить свои добрые намерения, правда, Оуэн? А ведь все можно оправдать его прошлым, хотя он никогда этого не требовал. Его сокрушил тот первый удар в молодости — я всегда об этом помню, ведь с него и начались все беды в его жизни. Недаром же все у него валилось из рук и он бывал таким подавленным — мы с тобой часто это замечали.

— Помню, однажды, — сказал ее брат, — когда мы с ним засиделись вечером вдвоем, он сказал: «Оуэн, пусть твоя любовь не будет слишком слепой. То есть, если тебе суждено полюбить, ты будешь любить слепо, но все же сердце, послушное воле, может быть чуть-чуть разумнее. Пусть же у тебя будет не такое сердце, как у меня». Вот что он сказал: «Учись искусству побеждать себя». И я хочу учиться этому, Цитерия.

— А мама как-то сказала, что папу сгубило то, что, потеряв замечательную женщину, он не сумел отказаться от нее в душе. Любопытно, где она теперь, Оуэн? Нам были запрещены всякие попытки разузнать о ней. Почему папа никогда не называл ее имени?

— Должно быть, она просила его об этом. Но что нам до нее, ведь она нам не мать.

Любовь, нанеся Эмброзу Грэю сокрушительный удар, была именно такого рода любовью, которая мало трогает юношей, зато заставляет втайне задумываться девушек.

5. С девятнадцатого октября по девятое июля

Итак, не успели благие намерения Эмброза Грэя насчет восстановления своего имущества воплотиться в нечто реальное, как внезапная смерть навеки оборвала все его попытки.

Крупные иски, свидетельствовавшие о количестве его долгов, сразу же после погребения посыпались один за другим с таких сторон, откуда их совсем не ждали. В конце концов канцелярский суд был вынужден наложить арест на все имущество несостоятельного должника, каково бы оно ни было.

«Что же теперь с нами будет?» — беспрестанно думал Оуэн.

В нас живет постоянная надежда, не угасающая даже в самые тяжкие времена, что поскольку мы — это *мы*, то нам уготована совсем особая судьба, хотя и по природе своей, и по всему нашему

прошлому, вплоть до самых незначительных подробностей, мы ничем не отличаемся от тысячи нам подобных. Таким образом, для Цитерии и Оуэна вопрос о том, как сложится их жизнь, казался самой таинственной на свете загадкой. Другим же, которые не видели в их положении большой разницы со своим собственным, ответить на этот вопрос было легче легкого: «Как и у всех прочих, кто попал в такие же обстоятельства».

Оуэн, стараясь решить, как им быть дальше, посоветовался с сестрой, и после того целый месяц прошел в ожидании ответов на письма и в обдумывании планов, которые неизменно оказывались в большей или меньшей степени негодными. Внезапные надежды, радугой сиявшие перед глазами, обращались в туман при первом же прикосновении. А тем временем каждый день до них доходили неприятные толки, как ни старались смягчать их люди, желавшие им добра. Несомненная истина, что их отец был фантазером, который промотал все свои деньги до последнего фартинга и задолжал всем соседям вокруг, что дочь свою он не научил никакому ремеслу, а сын, у которого было ремесло, никак в нем не преуспел и ему только и остается, что пойти по миру, — эта истина по природе своей не могла быть облечена в молчание ради того, чтобы пощадить их чувства, она жалила их слух везде, куда бы они не пошли. Немногочисленные знакомые при встрече торопливо проходили мимо. Местные старожилы и зажиточные лавочники, стоя в часы безделья у своих дверей, — носки их башмаков нависали над краем ступеньки, а над башмаками нависали грузные животы, — судачили с приятелями, стоявшими на тротуаре, обсуждали последствия мотовства и пророчили детям жизнь впроголодь. Сынки этих почтенных горожан (вызывающие булавки в галстуках и вычурнейшие трубки во рту!) провожали Цитерию взглядами, в которых не было и следа почтительности, смягчавшей эти взгляды в прежние времена.

Как странно, — нам ведь, в сущности, мало дела до того, что думают о нас люди и какие позорные тайны о наших богатствах, происхождении и жизненных целях они открывают, пока каждый из них думает и соответственно ведет себя, так сказать, в одиночку. Обмен мнениями о нас — вот что нам всего страшнее; то, что сотне знакомых, каждому в отдельности, известны наши семейные тайны, не так угнетает нас, как пересуды в обществе нескольких человек, даже если они наверняка не станут распространять все это дальше.

Хокбридж следил за ними и шушукался; вероятно, на эту враждебность человек удачливый почти не стал бы обращать внимания. Но к несчастью, бедность, когда она внове, когда кожа еще не успела задубеть, придает людям восприимчивость, обратно пропорциональную их возможности постоять за себя. В Оуэне вместо впечатлительности его отца обнаружилась значительная доля отцовской гордости и прямоты мышления, что в сочетании с некоторым безрассудством могло послужить ему только во вред. Для него все человечество, если он вообще о нем думал, делилось на четко разграниченные классы, а не переходило постепенно из одной крайности в другую. Отсюда, согласно некоей последовательности идей, которую можно было бы проследить, если бы дело того стоило, он либо возмущался чужим мнением, либо уважал его и инстинктивно стремился убежать от холодной тени, которую вполне могла бы вытерпеть обыкновенная чувствительность. Оуэн был способен со стоическим равнодушием вынести одиночество, недуги, изгнание, изнурительный труд, голод и жажду, но высокомерие ранило его слишком больно.

Потратив девять месяцев на попытки обеспечить себе заработок в качестве преемника своего отца, — попытки, которые терпели неудачу по причине его неопытности, — Оуэн Грэй пришел к простому и исчерпывающему решению. Они тайком уедут из этих мест, скроются от знакомых, от пересудов и горьких попреков, от обозленных кредиторов, в несчастье которых он был не виноват, и покончат с этим унижительным положением, вступив на тот единственный путь, который оставляла им вопиющая бедность: он поступит на службу где-нибудь в чужом городе, хотя бы на скромное место помощника чертежника.

Он взвешивал свои возможности с тем же чувством, с каким солдат точит саблю перед началом сражения. Из-за того, что работы ему перепадало немного — отец в последнее время растерял своих заказчиков, — из-за отсутствия прямой и настоятельной необходимости получить оплату за свой труд ученика (обычная история в тех случаях, когда ученик мастера приходится ему сыном), успехи Оуэна в искусстве и науке архитектуры были поистине ничтожны. При этом его никак нельзя было назвать лентяем — он попросту не достиг еще того возраста, когда трудолюбивые юноши торопятся поскорее стать на ноги, если не в силу внешних обстоятельств, то по велению собственного здравого смысла. Таким

образом, тех знаний в области планировки, перспективы, сечений и спецификаций, что он приобрел за два года своего ученичества, любой юноша со средними способностями — то есть такой же, как он сам, — легко сумел бы набратся за шесть месяцев в Лондоне, где всегда кипит работа.

Но во всяком случае, он мог бы пригодиться какому-нибудь архитектору в маленьком далеком городке — и там закончить свое ученичество. На эту мысль его натолкнула одна вполне реальная причина. Он что-то слышал о таком архитекторе — это был некий мистер Гредфилд, работавший в Бедмуте, приморском порту и курорте на юге Англии.

После некоторых колебаний Грэй отважился написать этому джентльмену, обратившись к нему с необходимыми вопросами, вкратце упомянув о смерти отца и сообщив, что успел проработать лишь половину ученического срока. Он был бы рад поступить учеником еще на два года за очень небольшое жалованье, если только ему начнут платить сразу же.

Мистер Гредфилд ответил, что ему не требуется ученик на такой срок и на таких условиях, какие предлагает мистер Грэй. Но он может добавить следующее: как раз сейчас ему нужен в конторе молодой человек — на короткое время, быть может всего месяца на два, — чтобы переводить чертежи на кальку и помогать в других подобных же работах. Если мистер Грэй не откажется от столь скромного, как показывают упомянутые обязанности, положения и от еженедельного жалованья, которое человеку с большими надеждами может показаться мизерным, то это место даст ему возможность поближе ознакомиться с архитектурным делом.

— Как-никак это начало, а самое главное — есть куда убежать от той тучи, что нависла здесь над нами, — я поеду! — заявил Оуэн.

У Цитерии тоже возникли свои планы на будущее, чрезвычайно простые, потому что ее возможности были еще более скудны. Ей выпало на долю одно и, пожалуй, единственное преимущество, которым она была обязана матери, имевшей кое-какие личные средства. Цитерия получила хорошее образование. На этом и строились ее планы. Она поселится вместе с братом в Бедмуте, где тотчас же даст объявление о том, что ищет место гувернантки; адвокат из Олдбрикхэма, который старался распутать дела покой-

ТОМАС ГАРДИ

ОТЧАЯННЫЕ СРЕДСТВА ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Попова, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.02.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-33999-01-R